

Концептуализация и операционализация понятия «государственность»

А.А. Токарев

В статье рассматриваются основные подходы современных исследователей к определению понятий государственной статусности и состоятельности. Представлен краткий обзор концептов «государств с прилагательными». Предложена авторская система индикаторов эмпирической операционализации государственности.

В современном мире насчитывается 194 территориальных политии, обладающих особым статусом, подчеркивающим их формальное равенство, и поддерживающих референтную «сетку» взаимных признаний – государства–члены ООН. Кроме того, существует несколько десятков «государств с прилагательными», которые знаменуют собой проекты государственного строительства разной степени завершения и успеха.

Понятие «государство» используют зачастую для обозначения самых разных феноменов как в пространственном отношении (Россия и Сан-Марино, Бельгия и КНДР, Греция и Восточный Тимор), так и в темпоральном плане (Япония XXI в. и Италия XVI в. – тоже государства). И это происходит, невзирая на политические, социальные, культурные различия, независимо от масштабов территории, военной мощи, размеров экономики, укорененности в истории, степени влияния на мировую политику и т.д. Именование всех этих казусов «государством» предопределяет исследовательский интерес к определению его ключевой характеристики – государственности. Очевидно, что данное понятие является широким и многомерным. Оно нуждается в концептуализации для прояснения того, какой смысл мы вкладываем в словосочетание «современное государство». Ведь «сами эти суверенные члены мирового сообщества не обязательно являются политиями одного определенного типа или даже природы. Только часть из них являются государствами в строгом смысле,

«государствами-состояниями» (англ. the state, нем. die Staat, франц. l'état и др.)»¹. Как верно отмечает М.В. Ильин, «едва ли не большинство суверенных членов мирового сообщества составляют квазигосударства разных типов, а также другие функциональные эквиваленты государств, которые усваивают, имитируют или симулируют различные черты современной государственности»².

Как пишет Ф. Фукуяма: «...государственность была в определенном смысле дарована некоторым государствам международными институтами или другими сильными государствами. Так было в случае ООН в Восточном Тиморе, Всемирного банка в Сьерра-Лионе, Офиса Высокого представителя ООН в Боснии, американских оккупационных властей в Ираке»³. Возможности названных государств самостоятельно управлять территорией внутри собственных административных границ были крайне низкими изначально. Их государственность не формировалась веками путем войн за независимость, процессов финансово-экономической и налоговой централизации, культурной дифференциации этносов и объединения их под сенью государственного аппарата, а просто была делегирована им. «Есть один простой признак, который присущ всем государствам, – это их формальное «равенство» относительно друг друга, а точнее, принадлежность к сообществу государств. Это единственная общая характеристика государств. Все остальные их разделяют»⁴.

Токарев Алексей Александрович – ведущий эксперт Управления научной политики МГИМО(У) МИД России. E-mail: a.tokarev@inno.mgimo.ru

В современном политологическом дискурсе «государство» соединяет в себе и статус (территориальной политики), и суверена (короля, президента, правительство, народ и т.д.), и институты управления, и совокупность управляемых граждан. Современное государство, как пишет К. Скиннер, является:

- «чем-то со своей собственной жизнью;
- чем-то, что одновременно отличается как от правителей, так и от управляемых и, следовательно, способно требовать лояльности по отношению к себе как от первых, так и от вторых»⁵.

Наличие аппарата управления, территориальных границ и некоторого количества управляемых позволяет отдельным властным группам на отдельных территориях провозглашать государство. Часто к государствам автоматически причисляются и распадающиеся, и распавшиеся государства, и отделившиеся территории, и неудавшиеся сецессии. Поэтому для объективного анализа современного государства мы должны рассматривать тех участников мировой политики, которые признают друг друга в качестве равных субъектов и обладают способностью управлять своей территорией. Здесь и далее мы будем понимать под государством политический институт международной системы, производящий общественные блага – территориальную политику, обладающую статусом члена ООН.

Для обозначения и изучения состояния государства политическая наука предлагает термин «государственность», понимая его как важнейшую характеристику государства. «Государственность» является для российского политологического языка относительно новым понятием (а оттого менее проработанным, чем, например, суверенитет). Часто с его помощью обозначается все, что относится к «государству» – фактическое и юридическое признание, внешний и внутренний суверенитет, даже политические институты в субъектах федерации. Например, используются такие словесные формы, как «государственность Чечни», «государственность Татарстана».

В то же время в современном политологическом дискурсе с помощью понятия «государственность» чаще всего обозначают формальные и сущностные полномочия государства⁶:

- государственный статус (англ. statehood – статусность) и возможности государства по распределению общественных благ, эффективному управлению и контролю над собственной территорией;
- государственную состоятельность (stateness), а также результат идентификации граждан с той или иной территориальной политией, помимо административных границ объединяемой общей историей, культурой и языком общения⁷.

И в западной, и в отечественной политической науке сложился относительный консенсус относительно этимологии слов the State, der Staat, l'Etat, государство. Эпоха Нового времени предложила как сам феномен государств, так и термин, обозначающий его. Описание через понятие «государство» любых территориальных политий, существ-

вовавших до появления современных государств, ведет к концептной натяжке. «Люди занимаются анахронизмом, налагая стандарты одной эпохи на другую, например, когда вписывают государство в Древнюю Грецию, Рим или в средневековую жизнь»⁸. Суть такого анахронизма в том, что «мы стали использовать слово «государство» (the State, der Staat; l'Etat etc.) не только по отношению к суверенным участникам сменяющих друг друга международных систем, но и к политиям всех времен, обладающим более или менее выраженной самостоятельностью и способностью вступать в межполитийные отношения»⁹.

Внутренняя и внешняя легитимация в процессе государственного строительства

Подходы исследователей относительно концептуализации характеристик «государства» можно разделить на две большие группы в зависимости от внешних или внутренних механизмов становления государственного порядка, принимаемых учеными в качестве определяющих.

Представителями первой группы, уделяющими преимущественное внимание внутренним факторам, являются С. Роккан, Ж. Коломер, Ф. Редер, П. Неттл и др. Двое первых отмечают роль консолидации центра в формировании государства в Новое время. С. Роккан рассматривает процесс формирования наций и государств как единый и часто использует соответствующие понятия (state-building и nation-building) как синонимы¹⁰.

П. Неттл и Ф. Редер в исследовании процессов становления государств смещают фокус своего внимания на параллельность идущих процессов национального и государственного строительства. Первый, в отличие от С. Роккана, разводит понятия национальности (nationness) и им же предложенной государственности как государственной состоятельности (stateness)¹¹. Требование такой дивергенции обусловлено эмпирической реальностью, в которой «существует множество примеров ненациональных государств, а также большое количество национальных сообществ, где нет никаких внутрисоциальных структур управления»¹².

Аналитическое разделение двух аспектов создания новых политических общностей (нации и государства) поддерживает и Ф. Редер, полагающий, что «некоторое население (предположительно нация) должно управляться самостоятельно в рамках собственного суверенного государства – государства, которое, возможно, еще не существует»¹³. Ученый вводит в дискурс понятие «государство-сегмент», обозначающий исторически сложившуюся, обладающую некоторой степенью суверенности многоуровневую структуру управления в рамках общего государства. «Успешный национальный проект обычно предварялся уже работающими обособленными институтами управления, т.е. обособленным в институциональном плане сегментом-государством внутри «общего государства»: из 177 новых государств, появившихся с 1901 по 2000 г., 153 (86 %) являлись государствами-сегментами до получения независимости»¹⁴.

Вторую группу представляют исследователи, отмечающие важность внешних механизмов установления государственного порядка. Большинство из них понимают признание со стороны официальных субъектов как значительный фактор создания государственности. Ч. Тилли определяет государство как «организацию, которая имеет наибольшее количество средств принуждения на значительной территории, которая действует в некоторых отношениях как приоритетная по сравнению с другими организациями, действующими на той же территории, и признается как приоритетная другими организациями, включая государства вне этой территории»¹⁵. Тилли сразу же упреждает критику своего определения: «Вот и сложности: а как насчет федеративных систем, гражданских войн, возглавляемых боевиками анклавов и соперничающих фракций внутри государства?» К этому списку необходимо добавить крупнейших акторов мировой политики (ТНК, НПО, наднациональные организации): капитализация гигантов нефтяной индустрии, очевидно, превышает бюджеты многих государств, Greenpeace если и не меняет правительства, то оказывает на них гигантское давление, бюрократы НАТО в некоторых государствах играют значительно большую роль, чем местные чиновники и т.д.

Тилли обращает внимание на взаимосвязь внешних и внутренних аспектов государственности. Эта взаимосвязь особенно очевидна в условиях глобализации: вышеуказанные акторы отрицательно влияют на «приоритетность» государственного управления на подведомственной территории. Слабая государственная структура – «удобное поле, где могут разгуляться транснациональные корпорации... Многие внешние агенты могут быть заинтересованы в сохранении слабого государства. Коммерческие структуры предпочитают иметь дело с коррумпированными властями. Они могут делить прибыль с элитой и совершенно не заботиться об остальном населении»¹⁶. Государственность может подвергаться давлению и с самыми благими целями: «Гуманитарные и правозащитные организации не только проникали на кризисные территории, но и делали попытки привести туда войска для обеспечения собственной безопасности. Гаити стала настоящим полигоном для негосударственных организаций, бросающих вызов традиционному суверенитету»¹⁷.

Возможно, своей универсальностью в качестве отличительной черты современного государства признание обязано объективному развитию международных систем, сменявших друг друга в истории¹⁸. Однако, если для того чтобы стать государствами, одной территориальной политики достаточно признать другую и быть признанной в ответ, почему, например, «СНГ-2», образовавшее мини-сеть взаимных признаний ПМР, Абхазии, Южной Осетии и НКР, до сих пор расшифровывается как «Содружество непризнанных государств»? Возможно, дело в отсутствии среди тех, кто признает эти регионы, членов ООН – мирового клуба государств. В настоящее время государство становится

членом ООН, если получает рекомендацию 9 из 15 членов Совбеза (при этом ни один из постоянных членов не должен высказаться против), а потом она одобряется двумя третями членов Генассамблеи¹⁹. Однако такой подход международного сообщества игнорирует политическую реальность и существование де-факто государств Абхазии и Южной Осетии. И, наоборот, рассматривает Грузию как полноценное государство, контролирующее свои границы, и территории в их пределах, что также не соответствует реальности.

Признание одним государством другого отражает конститутивную теорию государственности в международном праве, согласно которой государство лишь тогда является субъектом международного права, когда оно признается другими государствами в качестве такового. Однако наряду с ней существует альтернативная теория государственности – декларативная. В критериях государственности Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств ничего не говорится о том, что новое государство должно быть признано другими, уже существующими государствами. Более того, в статье 3 прямо утверждается обратное: «Политическое существование государства не зависит от признания его другими государствами»²⁰. Обе теории международного права очевидно соответствуют политологическим понятиям государственной статусности (statehood) и состоятельности (stateness) соответственно, объединенным в русском языке общим «государственностью».

Сама статусность и особые привилегии, возникающие в связи с наличием особых статусов, не исчерпывают важнейших аспектов государственности. Вряд ли Франция, являющаяся постоянным членом Совбеза ООН, имеет большее право называться государством, чем Япония или Германия. Возможно, Ф. Редер недалек от истины, относя международное признание на последнее место в ряду характеристик процесса создания нации-государства после пробуждения национальной идентичности, недовольства общества status quo, массовой мобилизации и стремления элит к самостоятельному управлению финансовыми потоками. Принадлежит ли Грузия, признанная всеми членами ООН и не контролирующая 20 % признаваемой за ней большинством членов ООН территории, к «современной семье государств» в большей степени, чем, к примеру, Приднестровская молдавская республика, не признанная ни одним государством-членом ООН? Республика, вместе с тем сохраняющая государственные институты, относительно успешно функционирующими на всей территории республики (естественно, с учетом местной специфики госуправления в виде приватизации до недавнего времени некоторых функций государства семьей И.Н. Смирнова)?

В этом смысле интересен заочный спор между Р. Джексоном и П. Колсто об определении квазигосударства. Первый назвал таковыми территориальные политики, обладающие основными признаками современных государств, включая статус члена ООН, но не контролирующие свои

территории. Второй, с точностью до наоборот, – территории, подконтрольные правительствам, борющимся за признание²¹. Слабое место такого подхода, неопределенность легитимности методов «борьбы за признание», позволило П. Колсто включить в число исследуемых квазигосударств Чечню периода конца 1990-х гг., оправдывая бандитский сепаратизм борьбой за независимость.

Очевидно, что в случае спора двух исследователей о природе квазигосударств речь идет о непараллельном и невзаимосвязанном развитии двух аспектов государственности – статусности и состоятельности. И если в квазигосударствах (неважно – в понимании Джексона или Колсто) государственная статусность/государственная состоятельность неадекватно подкреплены международным признанием/функционированием государственных институтов, то существуют территориальные политии, которые определенно нельзя считать государствами в полном смысле слова. Они не обладают ни одним из видов государственности. Это несостоявшиеся или неудавшиеся государства (failed states), от которых «мало что осталось, кроме названия и признания»²². Проще говоря, они обладают крайне неэффективными инструментами управления своими территориями или не контролируют их вообще.

Внутренние аспекты государственности: состоятельность, способность, функциональность, правление

Для описания возможностей государства по управлению территорией в 1968 г. П. Неттл ввел термин «государственная состоятельность» (stateness)²³. Через шесть лет, следуя за Неттлом, Ч. Тилли определил государственную состоятельность как «степень, в которой инструменты правления разделены, централизованы, самостоятельны и формально скоординированы друг с другом»²⁴. При этом он рассматривает государственную состоятельность как один элемент образования государства (state-making), наряду с «населением, признающим легитимность политической власти» (политическая идентичность формируется «в результате разной степени успешности борьбы за власть в масштабах нации»), и «обратной связью между обществом и правительством», которая позволяет обществу оказывать давление на политических акторов. Государственность относится лишь к составляющим правительственных структур²⁵. Понятие «государственность» для Ч. Тилли синонимично мощи центра по консолидации территории и централизации власти (само «правительство» может обозначать «государство»). Такое узкое определение государственности позволяет Тилли описывать с помощью данного термина само образование государств в Европе в Новое время: «Франция обладала наибольшим потенциалом государственности после 1500 г., в то время как Англия развивалась медленнее. Тем не менее к 1650 г. Англия оказалась под контролем централизующей военной диктатуры, и этот краткий момент английский парламент был в Европе, пожалуй,

самым близким (the most state-like) к государству... После XVII–XVIII вв. Испания оказалась империей с одной из наименее величественных правительственных структур континента»²⁶.

Весомый вклад в концептуализацию понятия «государственная состоятельность» в 1990-х гг. внес С. Бартолини, который операционализирует западную «государственную состоятельность государства» (western state stateness) через создание организации для мобилизации ресурсов (бюрократии и системы налогообложения); внешнюю консолидацию территории (задача армии; поддержание внутреннего порядка (силами полиции и судебной власти); степень активности государства по вмешательству в экономическую и социальную сферы²⁷. Развитие государств в модели Бартолини обеспечивается взаимодействием между тремя факторами: государственной состоятельностью, формирующейся в ходе исторического развития; уровнем дифференциации экономических интересов, появляющейся в результате капиталистического развития и индустриализации; степенью культурной гомогенности/разнородности, являющейся следствием госстроительства и влияющей на возможности государства по разрешению конфликтов²⁸. Ч. Тилли для обозначения схожих проявлений государственных функций использует термин «потенциал государства», который определяет, «в какой степени вмешательство государственных агентов в существующие негосударственные ресурсы, деятельность и межличностные связи изменяет распределение этих ресурсов»²⁹.

Государственное строительство (state-building) Ф. Фукуяма, также под государственностью понимающий только состоятельность, а не статусность³⁰, определяет как «создание новых институтов правления и усиление уже существующих». При этом он отмечает, что «мы умеем перемещать ресурсы, «мозги» и технологии через культурные границы, но мы ничего не знаем о том, как передать работающие (strong) институты развивающимся государствам»³¹. По мнению А.И. Кустарева, классический подход по отношению к несостоятельным государствам выражается в искреннем желании политиков и политологов им помочь. «Предполагается... все номинально существующие государства должны стать полноценными участниками международного сообщества по образцу тех государств, которые считаются успешными и в своих нынешних границах. Этой установки придерживаются самые «полноценные» государства, ООН и примыкающие к ней международные институты. Их поддерживает и академический мейнстрим...»³².

Определение государственной состоятельности Фукуяма основывает на веберовском: «Государство – это человеческое сообщество, которое успешно удерживает монополию на легитимное использование физической силы на данной территории». Максимально доходчиво он объясняет, что сущность государственности – это «принуждение: безусловная возможность направлять некоего вооруженного субъекта в форме заставляя людей соблюдать законы государства»³³.

Очевидно, такой подход страдает крайним обобщением, исключая из поля зрения исследователя, например, лингвистические, этнонациональные, культурные проблемы внутри общего государства, в котором легитимно функционируют силовые структуры. Фукуяма выделяет два аспекта государственности: возможности государства, область его действий (scope), и силу государственной власти (strength), которая позволяет государству осуществлять свою политику. Данное разделение позволяет американскому политологу ранжировать государства по степени их состоятельности. В этом смысле США уступают Франции, в которой государство (как бюрократический аппарат) больше (scope) и сильнее (strength), Сьерра-Лионе почти не является государством (и возможности и сила крайне слабы), а Россия от наивысшего состояния СССР в 1980 г. «упала» к 2000 г. по силе ниже Сьерра-Лионе, по возможностям управления территориями слегка опережала Новую Зеландию образца 1981 г.

Помимо обозначающего государственную состоятельность термина *stateness*, политическая наука предлагает в общем смысле синонимичное «государственная (или институциональная) способность» (*state capacity*). Но данный термин также недостаточно прояснен. «Способность государства делать что?» – справедливо спрашивает Ф. Шмиттер³⁴. Данное понятие, по его мнению, следовало ввести, поскольку государство, «как показал Макс Вебер, невозможно определить через его функции». Поэтому в «политике и политологии стало модным избегать любого упоминания как понятия «государственная способность», так и понятия «правительство» и объединять их в общее «правление» (*governance*)), которое есть «метод (механизм) обсуждения широкого круга проблем/конфликтов, в которых заинтересованные лица (государство и негосударственные акторы) в процессе переговоров друг с другом регулярно достигают обязательных решений, удовлетворяющих все стороны, и сотрудничают в исполнении этих решений». Также государственную способность часто определяют через степень эффективности сбора налогов и защиты прав собственности³⁵, однако, на наш взгляд, это слишком узкий критерий – по нему к государствам с низкой степенью «способности» будут отнесены в том числе сильные авторитарные и тоталитарные режимы, исключающие частную собственность.

Некоторые политологи не избегают ошибок аналитического отождествления результатов эффективности государственности и уровня демократичности политического режима. Л. Йохансен и О. Норад пишут, что «хорошее правление (*good governance*) предполагает демократическое участие, которое в свою очередь предполагает высокий уровень доверия граждан к политическим институтам». Такой вид правления отображает способность государства агрегировать общественные интересы и отвечать на них, разрешать конфликты и поддерживать легитимность власти, сохраняя автономию государственных институтов от обще-

ства. В этом смысле понятие *good governance* шире «любых иерархий и политических институтов ... и обозначает направления взаимодействия (включая обратную связь) государства и общества»³⁶. Однако эффективное правление, производство общественных благ и степень демократичности режима – это связанные друг с другом, но все-таки разные характеристики политий.

Для обозначения государств с низкой степенью государственной способности политическая наука предлагает несколько терминов: кроме упоминавшегося *failed states* (несостоявшиеся) и *quasi-states* (псевдогосударства в джексоновском понимании), встречается *weak states* (слабые государства) и *collapsed states*³⁷ (распавшиеся или «коллапсировавшие» государства), *non-state* («безгосударственная» часть территории в пределах административных границ). При этом неверно отождествлять слабость государства по управлению территорией и обеспечению общественных благ и слабость по контролю над общественной жизнью. Современные авторитарные и тоталитарные режимы (Белоруссия, Таджикистан, Туркменистан, КНДР и др.) институционализированы именно в слабых государствах, которые не могут обеспечить ни справедливое распределение общественных благ, ни высокий уровень жизни масс, ни устойчивую легитимность институтов вместо персонификации власти диктаторов.

Другим полюсом по отношению к государствам с низкой степенью эффективности по контролю над собственной территорией считаются сильные государства (*strong states*) или функциональные/способные государства *functional/capable states*. Русский язык значительно упрощает употребление этих во многом синонимичных терминов: к аспектам государственной статусности (которая включает в т.ч. степень признания) относятся непризнанные государства (*unrecognized states*) и псевдогосударства в понимании Колсто (*quasi-states*), к различным проявлениям государственной состоятельности относятся несостоявшиеся государства (*failed states*) и прочие, близкие к ним.

Слабые, распавшиеся и несостоявшиеся государства, очевидно, являются гораздо более проблемными для мирового сообщества, чем непризнанные квазигосударства, контролирующие территорию и борющиеся за признание. В отличие от сильных, слабые государства «не контролируют свои границы ... часто влияние официальных властей распространяется только на столицу или одну или несколько этнических зон. В несостоявшихся государствах крайне высок уровень преступности, улицы контролируются бандами, которые создают условия для оборота оружия и наркотрафика, при этом силы полиции парализованы, а граждане ищут защиты у самих лидеров банд (или других сильных личностей, способных выражать этническую или клановую солидарность), поскольку все силы, которые должны обеспечивать им безопасность и защиту, включая государство, находятся в смятении»³⁸.

Национальная идентичность и внутренние аспекты статусности: вклад в формирование государственности

Проблема идентификации граждан (с политической, национальной или этнической общностью), явно существующая в слабых государствах, отражает еще один аспект государственности и омонимично по отношению к государственной состоятельности иногда обозначается как *stateness*. В этом аспекте государственность рассматривают Х. Линц и А. Степан. Проблема идентичности с государством возникает, когда «есть глубокие различия между границами территории и политического сообщества и стоит вопрос: кто имеет право обладать гражданством в данном государстве?»³⁹. В данном смысле государственность является переменной, которая может «изменяться» от проблемного существования до исчезновения: «Потенциальные современные демократии могут значительно отличаться друг от друга с точки зрения рассматриваемой переменной – от политий, где проблема государственности отсутствует вообще, до политий, где без ее разрешения переход к демократии невозможен»⁴⁰.

На основании различных стратегий формирования нации (доминирования общей национальной идентичности и консенсуса многих наций в рамках единого политического пространства) А. Степан, Х. Линц и Й. Ядав предлагают две модели современных государств. Нация-государство (Франция, Швеция, Япония, Португалия) имеет своей целью утверждение «единой, мощной идентичности как членов нации и граждан государства», для достижения чего «проводит гомогенизирующую ассимиляторскую политику в области образования, культуры, языка»⁴¹. Государство-нация (Бельгия, Канада, Индия), напротив, признает «более чем одну культурную, даже национальную идентичность» и оказывает им поддержку в формировании институтов, чему способствуют создание асимметричных федераций, консоциативная демократия, несколько государственных языков, разрешение партиям, выдвигающим требования автономии тех или иных регионов, формировать в них правительства или даже входить в центральное правительство. При этом, несмотря на то что границы политического сообщества не совпадают с «различающимися культурными демосами», у разных этнонациональных групп в государстве возникает «лояльность по отношению к нему на институциональной и политической основе». Между тем противостояние этих групп является следствием слабой государственности. Конфликты могут возникать как между государством и одной из «наций» («баскская сепаратистская ЭТА бомбит мадридский отель»), так и между частями государства (бывшая Югославия). В любом случае «слабое государство, неспособное обеспечить лояльность составляющих его групп, просто распадается»⁴². Результатом может быть выход как отдельных членов, так и целых групп из государственного или культурного сообщества. С. Роккан, А. Хиршман⁴³ и их последователи понимали под

«выходом» невыполнение невыгодных, по мнению субъекта, правил. Проявления варьируются от индивидуального – «функционального или членского (эмиграция, отказ от уплаты налогов, службы в армии и проч.)» до массового – территориального (сецессия)⁴⁴.

Утвердившееся в зарубежной политической науке аналитическое разделение государственности на статусность и состоятельность постепенно инкорпорируется отечественным дискурсом. Дополненные переменной идентичности (государственности – в понимании А. Степана) эти характеристики наиболее релевантно позволяют описать современное государство как *территориальную политику, признанную другими подобной им (и признающую их), обладающую в связи с этим статусом члена ООН, имеющую инструменты и желание управлять собственной территорией и оказывать населению услуги, воспринимаемую при этом политическим сообществом (нацией) в качестве единственного легитимного субъекта управления на данной территории*.

Большинство работ, рассматривающих государственность, предлагает использовать для их анализа дихотомические шкалы: сильное/слабое государство, распадающееся/распавшееся, функциональное/дисфункциональное и т.д. Такой подход не позволяет объективно изучить феномен современного государства, поскольку изначально задает необходимость помещать рассматриваемые казусы в рамках двух полюсов, игнорируя многообразие государственных образований современности. Очевидно, адекватная эмпирическая операционализация должна быть построена при использовании переменных статусности, состоятельности и идентичности (или внутренних аспектов статусности государства) и выделяемых при их анализе признаков. Отметим, что в данной модели сознательно опускается аналитическое разделение статусности, состоятельности, идентичности для исключения необходимости интеграции результатов эмпирической операционализации:

1) территория и границы: пограничный и таможенный контроль, наличие успешных/реализованных сецессий, инициативы сецессий, качество регионального неравенства (наличие региональных единиц с особым статусом); наличие иностранных военных баз на территории;

2) монополия на насилие: случаи гражданских войн и внутренних вооруженных конфликтов, наличие незаконных вооруженных формирований, качество силовых (полицейских) структур;

3) наличие и размер общественных благ (ВНД на душу населения; доля налогов в ВВП; доля бюджетников в совокупности населения; доля в ВВП расходов на оборону, медицину, образование, госаппарат); влияние внешнеэкономических субъектов на принятие политических решений;

4) эффективность структур управления: качество управления (индекс трансформации Фонда Бертельсмана), недееспособность государств (индекс The Fund for Peace); верховенство закона

на территории государства – равенство граждан перед законом, наличие избирательности права, применение закона для разрешения корпоративных споров и борьбы с политическими оппонентами; уровень коррупции (индекс восприятия коррупции Transparency International); дифференциация и специализация госаппарата; качество госслужбы; уровень политической стабильности (качество и количество смен власти);

5) внутренняя статусность государства: степень согласия по «устанавливающим вопросам» в массах и элитах (принятие основ конституционного строя, критерии гражданства и членства в нации, история и природа государства); восприятие населением и элитами государственного языка/языков; степень консолидации мнения населения относительно участия государства в интеграционных структурах (НАТО, ЕС, ОДКБ, Таможенный, Евразийский союзы и т.п.).

Очевидно, это не окончательная модель эмпирической операционализации государственности. Она требует уточнения, коррекции и создания конкретных шкал. На них должны быть размещены исследуемые казусы в соответствии с полученными в ходе анализа значениями. Вместе с тем ее использование приближает исследователя к комплексному рассмотрению государственности и позволяет избежать дихотомического распределения государств по полюсам: сильное/слабое, состоятельное/несостоявшееся и т.д.

Tokarev A. A. The Conceptualization and Operationalization of the Concept of Statehood.

Summary: The article examines the main approaches of contemporary researchers to determine the concepts of statehood and stateness. A brief review of the concept of «states with adjectives». The author's system of indicators of empirical operationalization of statehood is represented.

Ключевые слова

Государство, государственная статусность, государственная состоятельность, сильные/слабые/несостоявшиеся/квазигосударства, нация-государство, национальное и государственное строительство.

Keywords

The State, statehood, stateness, strong/weak/failed/quasi-states, nation-state, nation- and state-building.

Примечания

1. Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. и др. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: МГИМО–Университет, 2007. С. 67.
2. Ильин М.В. Суверенная государственность: многовековой путь в уходящее [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/global/Suverennaya_gosudarstvennost.pdf (дата обращения: 6.04.2012).
3. Fukuyama F. «Stateness» first // Journal of Democracy. Baltimore, 2005. Vol. 16. № 1. P. 86.
4. Ильин М.В. Формула государственности // Полития. 2008. № 3. С. 69.
5. Скиннер Кв. The State // Понятие государства в четырех языках. М.: ЕУ С.-Пб, Летний сад, 2002. С. 45.
6. См.: Ильин М.В. Формула государственности // Полития. 2008. № 3. С. 67-78.
7. См.: Линц Х., Степан А. «Государственность», национализм и демократизация [Электронный ресурс]. URL: <http://pavroz.ru/dov/linctstef.doc> (дата обращения: 6.04.2012).
8. Хархордин О.Н. Откуда взялось русское государство? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.analysisclub.ru/index.php?page=schiller&art=2053> (дата обращения: 6.04.2012).
9. Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. 2008. №4. С.13.
10. См.: Роккан С. Центр — периферийная полярность // Политическая наука. 2006. №4. С. 75.
11. Nettl J. P. The State as a conceptual variable // World politics. Princeton, 1968. Vol. 20, N 4. P. 559-592.
12. Цит. по: Роккан С. Методы и модели в сравнительном исследовании формирования наций // Политическая наука. М., 2006. № 4. С. 112.
13. Roeder P.G. Where nation-states come from: Institutional change in the age of nationalism. – Princeton: Princeton university press, 2007. P.12.
14. Ibid. P. 22.
15. Тилли Ч. Демократия. М.: Европа, 2007. С. 7.
16. Nicholson M. Failed States and International Security: Causes, Prospects and Consequences. 1998. URL: http://www.ippu.purdue.edu/failed_states (дата обращения: 6.04.2012).
17. Кустарев А.И. Неудавшиеся государства // Космополис. 2004. №2. С. 31.
18. См.: Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: Изд-во «МГИМО–Университет», 2007. С. 68.
19. Каким образом страны становятся членами ООН? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/members/about.shtml> (дата обращения: 6.04.2012).

■ Свежий взгляд

20. Конвенция Монтевидео о правах и обязанностях государств [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfaabkhaia.net/ru/node/327> (дата обращения: 6.04.2012).
 21. См.: Тыртова Ю.Ю. Непризнанные государства. Реферативный обзор // Политическая наука. 2008. №4. С. 225-235.
 22. Ильин М.В. Формула государственности // Полития. 2008. №3. С. 70.
 23. Nettl J. P. The State as a conceptual variable // World politics. Princeton, 1968. Vol. 20, N 4. P. 559-592.
 24. The Formation of national states in Western Europe // Ed. by Tilly Ch. Princeton: Princeton univ. press, 1975. P.32.
 25. Ibid. P. 33.
 26. Ibid. P. 40.
 27. Bartolini. S. Restructuring Europe. Centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union. N.Y.: Oxford univ. press., 2005. P. 70.
 28. Ibid. P. 90.
 29. Тилли Ч. Что такое демократия? Демократизация // Тилли Ч. Демократия. М: Европа, 2007. С. 8.
 30. По мнению Ф. Фукуямы, «государственная состоятельность прежде всего». См.: Fukuyama F. "Stateness" First [Электронный ресурс]. URL: http://www.sais-jhu.edu/sebin/u/r/7_Fukuyama_pp84_88.pdf (дата обращения: 6.05.2012).
 31. Fukuyama F. The Imperative of State-building // Journal of Democracy. 2004. Vol. 15.- №2. P. 17.
 32. Кустарев А.И. Неудавшиеся государства // Космополис. 2004. №2. С. 23.
 33. Ibid. P. 21.
 34. Schmitter, P. Democratization and State capacity // X Congreso Internacional del CLAD sobre la Reforma del Estado y de la Administración Pública, 2005, October 18—21, Santiago, Chile [Электронный ресурс]. URL: <http://www.clad.org.ve/congreso/schmitte.pdf> (дата обращения: 6.04.2012).
 35. См. Besley T. The Origins of State Capacity: Property Rights, Taxation, and Politics // American Economic Review, American Economic Association. 2009. Vol. 99, Pp. 1218-44; Schmitter, P. Democratization and State capacity // X Congreso Internacional del CLAD sobre la Reforma del Estado y de la Administración Pública, 2005, October 18—21, Santiago, Chile [Электронный ресурс]. URL: <http://www.clad.org.ve/congreso/schmitte.pdf> (дата обращения: 6.04.2012).
 36. Johannsen L. Governance and state capacity in post-communist states // 29th ECPR Joint Session ns of Workshops, Grenoble, France, 2001 (дата обращения: 6.04.2012).
 37. См. Rotberg R. Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators // State Failure and State Weakness in a Time of Terror / R.I. Rotberg (ed.). – Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003. – 354 p.
 38. Rotberg. R. The New Nature of Nation-State Failure // The Washington Quarterly, Summer 2002, Vol. 25, No. 3, P. 88.
 39. Линц Х., Степан А. «Государственность», национализм и демократизация [Электронный ресурс]. URL: <http://pavroz.ru/dov/linctstef.doc> (дата обращения: 6.04.2012)
 40. Ibid.
 41. Миллер А.И. Государство и нация в Украине после 2004 г.: анализ и попытка прогноза // Политическая наука. М., 2008. № 4. С. 110; см. также: Stepan A. Comparative theory and political practice: do we need a "state-nation" model as well as a "nation-state" model? // Government and opposition. - L., 2008. - Vol. 43, N.I. P. 1-25.
 42. Elkins Z. The Problem of Stateness // 2006 Meeting of the International Studies Association, San Diego, CA. European Values Study Group and World Values Survey Association [Электронный ресурс]. URL: <http://home.gwu.edu/~jsides/stateness.pdf> (дата обращения: 11.04.2012).
 43. Hirschman A.O. Exit, Voice, and Loyalty: Response to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge: Harvard univ. Press, 1970.
 44. Мелешкина Е.Ю. Формирование государств и наций на постсоветском пространстве [Электронный ресурс]. URL: http://www.igpi.ru/bibl/other_articl/1253255532.html#sdfootnote2sym (дата обращения: 6.04.2012).
-